

Ниночка
Ольга Орлова

18+

Ольга Орлова

"Ниночка"

«Автор»

2026

Орлова О.

"Ниночка" / О. Орлова — «Автор», 2026

«Ниночка» В коробке из-под обуви, на дне шкафа, лежала фотография. Девочка лет девяти, во дворе, весна. В руках — чужой грузовик с отломанным колесом. На лице — выражение, которого дочь никогда не видела у матери при жизни: нетерпение, предвкушение, почти радость. Ниночку растила мать, которая знала, как всё должно быть. Какие куклы стоят на комод. Какие профессии выбирают приличные девочки. На ком женятся. Молчание было главным правилом семьи: если не называть вещи своими именами, они почти не существуют. Повесть Ниночка — это история о том, чего стоит такое детство, и как этот счёт выплачивается всю жизнь, по чуть-чуть. О девочке, которая хотела бегать за мячом во дворе, но научилась не хотеть. О женщине, которая выбрала единственный способ не чувствовать. И о дочери, которая однажды нашла снимок и увидела мать такой, какой та никогда не была рядом с ней. Тихая, точная проза — без сентиментальности и без обвинений. Только счёт.

© Орлова О., 2026

© Автор, 2026

Ольга Орлова

"Ниночка"

«Ниночка»

Введение

Снимок сделали случайно.

Кто-то из соседей, теперь уже не вспомнить кто, вышел во двор с мыльницей и нажал на кнопку. Весна. Солнце. Лужи на асфальте. У песочницы стояла девочка в расстёгнутой куртке, с шапкой в руке, и смотрела в сторону туда, где мальчишки гоняли мяч. В руках у неё была игрушечная машинка. Чужая. Грузовик с отломанным колесом.

Она не заметила, что её снимают. Она вообще мало что замечала в тот день. Она ждала, когда кто-нибудь крикнет: «Эй, давай к нам!» и тогда она побежит, и машинка будет в самый раз, и всё станет простым и правильным.

Через минуту её позвали домой. Она ушла, не обернувшись. Машинку оставила на скамейке.

Снимок проявили через неделю и отдали матери. Та посмотрела, сказала: «Хорошая карточка», и убрала в коробку из-под обуви, где уже лежали другие: школьная форма, белый фартук, выпрямленная спина. Коробку поставили на дно шкафа и забыли.

Девочку звали Ниночка. Ей было девять лет. И она ещё не знала, что через много лет найдёт этот снимок её дочь и увидит на нём лицо, которого никогда не видела у матери при жизни.

Но это будет потом. А пока — весна. Двор. Девочка с машинкой. Мяч. Крики. Солнце. Затвор щёлкает. Снимок готов.

Глава 1. Куклы

В субботу, к вечеру, когда за окнами уже смеркалось, а во дворе зажглись жёлтые фонари, Елена Сергеевна вернулась из Москвы.

В прихожей пахло железной дорогой, мокрой шерстью и чужими духами — резкими, праздничными, с горькой нотой, какие никогда не носили дома. Мать поставила чемодан у порога, сняла перчатки, аккуратно положила их на полку над вешалкой и поправила волосы перед зеркалом. Двигалась она плавно, неторопливо, словно каждое её действие было частью давно отрепетированного ритуала, так учительница выходит к доске, заранее зная, что ответит на любой вопрос.

Ниночка сидела в своей комнате и слышала, как мать разбирает вещи в коридоре: щёлкают замки чемодана, шуршит целлофан, что-то негромко звякает, может, ключи, может, флакон с духами. Она не вышла встречать. Она знала: мать сама позовёт, когда будет готова. Так было всегда.

Отец спал в дальней комнате после ночной смены, и его храп — мерный, с присвистом доносился сквозь неплотно прикрытую дверь. За окном, во дворе, мальчишки гоняли мяч, и их крики были единственным живым звуком в этот вечер, не считая шума воды в батареях и тихого гудения холодильника на кухне.

— Ниночка! — позвала Елена Сергеевна. — Иди сюда, я тебе кое-что привезла.

Она всегда звала её так — Ниночка. Не Нина, не просто «доченька». Ниночка. Уменьшительно-ласкательное, кукольное имя, от которого Ниночка внутренне сжималась, хотя и не могла объяснить почему. Ей казалось, что это имя не для человека, а для фарфоровой статуэтки на комод. Но матери нравилось. И все вокруг, вслед за матерью, тоже звали её Ниночкой.

Она спустила ноги с дивана и вышла в коридор.

Мать стояла посреди прихожей и держала в руках картонную коробку, перевязанную розовой атласной лентой. Коробка была большая, глянцевая, с золотым тиснением по углам. В свете лампочки без абажура она казалась почти праздничной, как подарок на Новый год, который ставят под ёлку, чтобы ребёнок гадал, что внутри.

Елена Сергеевна протянула коробку дочери двумя руками, торжественно, как вручают приз на школьной линейке.

— Открой.

Ниночка взяла коробку. Лента скользнула и упала на пол, свернувшись у ног матери розовой змейкой. Внутри, в папиросной бумаге, лежала кукла.

Она была фарфоровая. С кружевным фартуком, с розовыми щеками, с приклеенными ресницами и стеклянными голубыми глазами, которые открывались и закрывались, если куклу наклонить. Ниночка наклонила. Глаза щёлкнули — открылись, закрылись, открылись. Пустой, стеклянный звук.

— Нравится? — спросила Елена Сергеевна, уже зная ответ.

Ниночка молчала. Она смотрела на куклу и думала, что точно такую же мать привозила в прошлый раз, только в жёлтом платье. И в позапрошлый — в красном. У неё в комнате, на комод, уже стояла целая коллекция: шесть кукол с одинаковыми лицами, но в разных нарядах. Они сидели рядом, выпрямив спины, и смотрели перед собой стеклянными глазами, не мигая, не двигаясь, не падая. Ниночка никогда с ними не играла. Она только иногда стирала с них пыль, потому что мать проверяла.

— Я просила машинку, — сказала Ниночка. — Чтобы играть во дворе. С мальчишками. Я кукол не люблю.

Она произнесла это ровно, без истерики, глядя не на мать, а на куклу. Слова вышли сами — негромкие, но отчётливые, как будто она репетировала их заранее. Может, и репетировала. Может, ждала этого момента с тех пор, как мать уехала, и представляла, как скажет правду и мать наконец услышит.

В прихожей на секунду стало тихо. Только холодильник гудел на кухне да за окном, во дворе, кричали мальчишки и стучал мяч — глухо, мерно, как сердце.

Елена Сергеевна вздохнула. Вздох был мягкий, терпеливый, такой, каким вздыхают учительницы, когда ученик в очередной раз не выучил урок, но они не сердятся, потому что заранее знали, что так будет.

— Не выдумывай, — сказала она, наклоняясь и поднимая с пола ленту. — Ты всегда любила кукол. Я лучше знаю.

Она повернулась к зеркалу и стала аккуратно сматывать ленту на пальцы — виток к витку. Ниночка стояла позади неё и видела в зеркале мамино лицо: спокойное, почти умиротворённое, с той самой улыбкой, которая не предполагала возражений, даже не допускала мысли, что кто-то может думать иначе. Мать сматывала ленту, и движения её были точны и неторопливы, как у хирурга, накладывающего шов.

— Ты моя девочка, — сказала она, не оборачиваясь. — Моя Ниночка. Я знаю, что тебе нужно. Я всегда знала. Иди, поставь куклу на комод, к остальным. И не сиди без дела, почитай книжку, которую я тебе дала.

Ниночка развернулась и пошла в свою комнату.

Она поставила куклу на комод к остальным. Шесть кукол смотрели на неё одинаковыми стеклянными глазами. Теперь их стало семь. Они сидели в ряд, как прилежные ученицы за партами, и каждая держала в руках что-то своё: у одной веер, у другой корзинка с цветами, у третьей собачка на поводке. У новой куклы в руках был кружевной платочек белый, накрахмаленный, нестигаемый.

Ниночка села на кровать. На подоконнике, среди карандашей и старого ластика, лежала бельевая прищепка, деревянная, с тугой пружиной, ещё советская, с выжженным на боку клеймом. Она взяла её. Разжала. Зажала большим пальцем.

Боль была тупая, пульсирующая. Она задержала прищепку на несколько секунд, потом разжала и посмотрела на белую полоску на коже, которая медленно наливалась красным. Затем зажала указательный. Средний. Безымянный. На мизинце она задержалась дольше, здесь кожа была тоньше, и боль оказалась острой, чистой, почти звенящей, как звук камертона. На глазах выступили слёзы, но она не вытирала их. Ей нравилось это чувство.

За окном, во дворе, мальчишки продолжали гонять мяч. Кто-то крикнул: «Пас!», кто-то засмеялся, а потом раздался глухой удар — мяч попал в стену или в забор. Ниночка сидела на кровати, прижав прищепку к мизинцу, и слушала эти звуки, и ей казалось, что они доносятся из другого мира, из которого её навсегда исключили.

Потом всё стихло — наверное, кого-то позвали домой. Двор опустел. Фонари бросали жёлтый свет на пустые качели и на асфальт, по которому ещё недавно стучал мяч.

В коридоре мать напевала что-то негромкое и разбирала чемодан. Вешалки звякали в шкафу, шуршали пакеты, щёлкали замки. Жизнь входила в привычную колею, ту самую, которую Елена Сергеевна проложила давно и навсегда.

Ниночка разжала прищепку и положила её обратно на подоконник. Палец горел и пульсировал. Она вытерла слёзы рукавом, встала и поправила куклу, у которой чуть съехал фартук. Потом взяла с тумбочки книжку, что дала мать, про воспитанных девочек, и села читать. Строчки плыли перед глазами, но она упрямо водила по ним пальцем, повторяя про себя слова, которые ничего не значили.

На комоде семь кукол смотрели вперед. За окном шумел ветер. Где-то далеко, за домами, проехала электричка, и её гудок был долгим, тоскливым, похожим на чей-то одинокий крик.

Ниночка читала книжку про воспитанных девочек и не думала ни о чём. Она научилась не думать — это было единственное, чему она выучилась по-настоящему хорошо.

Глава 2. Отец и зеркало

Вечером того же дня, когда куклы уже стояли на комоде, а книжка про воспитанных девочек была дочитана до середины и отложена, в квартире запахло перегаром.

Геннадий Петрович проснулся около восьми. Он вышел из спальни в мятых тренировочных штанах и растянутой майке с чужого плеча, прошёл на кухню, не глядя ни на жену, ни на дочь, и сел за стол. Елена Сергеевна, не оборачиваясь, подвинула к нему тарелку с ужином — котлета, картофельное пюре, солёный огурец, нарезанный кружочками, и продолжила мыть посуду. Вода шумела ровно, с шипением.

Отец ел молча, низко склонившись над тарелкой. Вилка скребла по дну тарелки. Ниночка стояла в дверях кухни и смотрела на его широкую спину, на красную складку на затылке, на жилистые руки с въевшейся в поры цементной пылью, которую не брало никакое мыло. От него пахло потом, табаком и ещё чем-то кисловатым, тем, что появляется в квартире ближе к ночи, когда он достаёт из-под стола бутылку.

Поев, он отодвинул тарелку, вытер рот ладонью и потянулся к буфету. На нижней полке, за банками с крупой, стояла начатая бутылка водки. Он достал её, поставил на стол, взял гранёный стакан. Налил на два пальца. Выпил. Поморщился. Налил ещё.

Елена Сергеевна выключила воду, вытерла руки полотенцем и, не глядя на мужа, прошла в спальню. Через минуту оттуда донёсся её голос, она говорила по телефону. Голос был не такой, как дома: мягче, выше, с игривыми интонациями, каких Ниночка никогда не слышала, когда мать обращалась к ней или к отцу.

— Ну что вы, Иван Дмитрич, — говорила Елена Сергеевна, и в её тоне слышалась улыбка, — это вы льстите. Какая уж тут заслуга? Просто дети сейчас сложные, а родители ещё сложнее. Но мы справляемся. Да. Да. И вам того же.

Геннадий Петрович замер, не донеся стакан до рта. Он сидел, наклонив голову набок, и слушал. Ниночка видела, как медленно, одно за другим, напрягаются его плечи, как пальцы сжимают гранёное стекло так, что белеют костяшки.

Он встал. Табурет отъехал назад с резким скрипом. Бутылка на столе вздрогнула. Он вышел в коридор, задев плечом косяк, и остановился перед дверью спальни. Ниночка отступила в тень, в проём своей комнаты, и зажала в кулаке край занавески.

— С кем это ты там воркуешь? — голос отца был хриплый, сдавленный, как будто слова продирались сквозь что-то густое и вязкое. — С очередным своим?

Елена Сергеевна прикрыла трубку ладонью. Её голос, обращённый к мужу, стал другим — ровным, как поверхность затянутого льдом пруда:

— Иди проспись, Гена.

Он ударил кулаком в дверь — один раз, сдержанно, но так, что с косяка посыпалась мелкая побелка и белой пылью легла на его плечи.

— Я спросил, с кем!

Тишина. Слышно было только, как в трубке пищит чужой, далёкий голос — тонкий, механический, неразборчивый. Потом раздались короткие гудки: она положила трубку. За дверью ни звука, ни шагов, ни дыхания.

Геннадий Петрович постоял ещё несколько секунд, прислонившись лбом к дверному косяку. Его спина поднималась и опускалась тяжело, шумно, как кузнечные мехи. Потом он развернулся и нетвёрдой походкой вернулся на кухню. Сел. Налил ещё. Рука дрожала, и водка пролилась на клеёнку, несколько капель скатились на пол. Он не вытирал.

Отец пил и не мог остановиться. Ей было девять, и она ещё не знала слова «алкоголизм», но она уже знала, что значит «не мочь остановиться». Она сама не могла остановиться, когда зажимала пальцы прищепкой.

Через полчаса Елена Сергеевна вышла из спальни, как ни в чём не бывало. Прошла на кухню, налила себе чаю, села напротив мужа. Он уже не буянил — просто сидел, положив голову на скрещенные руки, и что-то бормотал. Слов было не разобрать, но интонация монотонная, жалобная, напоминала звук воды, капающей из неплотно закрытого крана.

— Ген, ну хватит, — сказала она, помешивая чай ложечкой. — Завтра на смену.

Он не ответил. Она вздохнула, встала и пересела на табурет рядом с ним, ближе, чем обычно. Положила ладонь на его плечо. Жест вышел механический, отработанный, как у медсестры, которая ставит градусник.

— Ну, будет тебе. Я же с тобой. Куда я от тебя денусь?

Геннадий Петрович поднял голову. Глаза у него были красные, мутные. Он посмотрел на жену долгим, нечитаемым взглядом, потом снова уронил голову на руки и затих.

Ниночка закрыла дверь в свою комнату и села на кровать. На комод с куклами смотрели перед собой стеклянными глазами. За окном давно стемнело, и двор был пуст. Завтра будет новый день. Мать уйдёт в школу, отец — на стройку, а она в свой класс, где нужно сидеть ровно и не разговаривать.

Она легла, не раздеваясь, и укрылась одеялом до подбородка. В квартире было тихо, только холодильник гудел на кухне да за стеной, у соседей, работал телевизор, смех, аплодисменты, чужая, нездешняя радость.

Ниночка закрыла глаза. Она думала о том, что мать никогда не говорила с ней таким голосом, как с Иваном Дмитричем по телефону. И никогда не клала руку на плечо так, как положила отцу. Может быть, она просто не заслужила. Может быть, для этого нужно быть кем-то другим — не Ниночкой.

Она заснула, и ей приснился двор, залитый солнцем, и мальчишки, зовущие её играть, и мяч, который летит прямо ей в руки — большой, кожаный, пахнущий травой и пылью. Но как только она ловила его, он превращался в куклу.

Она проснулась среди ночи от звука льющейся воды — отец пил из-под крана, долго, жадно. Потом шаги прошелестели в спальню, и всё стихло.

Ниночка повернулась на бок и закрыла глаза. На комодѣ семь кукол смотрели в темноту, и в лунном свете, падавшем из окна, их стеклянные глаза блестели, как будто они были живые.

Глава 3. Двор

Утро понедельника выдалось ясное, с синим, высоко проткнутым антеннами небом и наледью на асфальте, которая хрустела под ногами, как сахар. С крыши пятиэтажки капало мерно, с интервалом в секунду, и капли разбивались о жестяной отлив, производя звук, похожий на тиканье часов. Воробьи купались в луже у подъезда взъерошенные, шумные, они били крыльями по воде, и брызги разлетались в стороны мелкими стеклянными шариками.

У Ниночки были весенние каникулы. Третья четверть закончилась в пятницу, и теперь целую неделю ей не нужно было вставать в семь утра, заплетать волосы в тугую косичку и сидеть за партой, сложив руки перед собой. Мать ушла в школу, у неё в каникулы были консультации для отстающих, проверка тетрадей и педсовет, и она вышла из дома ровно в восемь с портфелем, в котором лежали непроверенные диктанты и бутерброд с сыром, завернутый в пергамент. Отец спал после ночной смены, сегодня он работал в ночь, и до четырёх дня его нельзя было будить. В квартире остались только куклы на комодѣ и тишина, нарушаемая лишь гулом холодильника.

Ниночка оделась — старая куртка, шапка в руке и вышла во двор.

Во дворе, на расчищенном от снега пятачке, мальчишки гоняли мяч. Их было четверо: двое из соседнего подъезда — Колька и Димка, один с пятого этажа — Лёша, по прозвищу Слон за свои оттопыренные уши, и Серёжа долговязый, в шапке, надвинутой до самых бровей, с вечно ободранными коленками, которые его мать заклеивала зелёнкой так часто, что они казались разрисованными. Серёжа первым заметил Ниночку. Он остановился, придержал мяч ногой и махнул ей рукой:

— Эй! Давай к нам! В ворота встанешь!

Ниночка стояла у подъезда и смотрела, как мяч перелетает от одного к другому, как пар поднимается от разгорячённых тел в холодном воздухе, как хрустит под кроссовками подтаявший лёд. Она сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Её пальцы в карманах куртки сжались в кулаки, и она почувствовала, как ноготь впивается в ладонь — острый, нестриженный.

Серёжа ещё раз махнул ей, но уже нетерпеливо, и отвернулся к игре. Мяч с глухим стуком перелетел от Кольки к Слону, и Слон, пыхтя, погнал его к воображаемым воротам — двум кирпичам, положенным на асфальт.

Ниночка сделала ещё один шаг и остановилась.

Она стояла на границе тени и света, там, где козырёк подъезда уже не закрывал солнце. Пальцы в карманах сжались сильнее. Она сделала ещё полшага вперёд. Потом развернулась и вошла обратно в подъезд.

Дома она сняла куртку и повесила на крючок. Куртка качнулась и замерла. В прихожей было тихо, только холодильник гудел на кухне да из спальни доносился храп отца — ровный, с присвистом, похожий на звук пилы, застрявшей в сыром дереве.

Ниночка прошла в свою комнату и села на кровать.

За окном кричали мальчишки.

Она встала и подошла к комоду. Семь кукол сидели рядком, выпрямив спины. У новой куклы, той, что привезла мать, кружевной фартучек съехал набок. Ниночка поправила его, аккуратно, двумя пальцами, как поправляла мать. Потом отошла на шаг и оглядела ряд. Куклы были похожи на солдат в парадном строю. У всех одинаковые лица, одинаковые глаза, одинаковые улыбки, приклеенные намертво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.